

Нет автора

Русская старина

1904. 10_12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1904. 10_12 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 803 с.

ISBN 978-5-458-02869-1

ISBN 978-5-458-02869-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

намѣстникомъ кавказскимъ, правъ, превосходящихъ даже права князя Воронцова, получилъ право преобразовать тамошнее гражданское управленіе, какъ признаетъ за благо. Я говорилъ также, что право это выразилось, прежде всего, въ учрежденіи «министерства прогресса», т. е. временнаго отдѣленія для дѣлъ гражданского устройства края, съ Ха—рымъ во главѣ этого министерства; а потомъ вслѣдъ за нимъ «особаго управленія сельскаго хозяйства», съ храбрымъ генераломъ Ротомъ во главѣ.

Изъ предыдущихъ моихъ разсказовъ извѣстно и то, что оба эти учрежденія оказались крайне неудачными. Съ предоставленіемъ мнѣ управленія канцелярію намѣстника князь Александръ Ивановичъ, въ постоянныхъ бесѣдахъ со мной, много разъ развивалъ свои виды, по которымъ онъ желалъ бы устроить гражданское управленіе.

Надо замѣтить, что въ этихъ видахъ много было неопредѣленнаго, неяснаго и даже неприложимаго къ дѣлу, что происходило отъ того, что если князь умѣлъ схватывать общій духъ и направленіе государственнаго нашего управленія, то ему были мало знакомы частныя основы, на которыхъ зиждется, такъ сказать, наша высшая администрація. Въ воззрѣніяхъ князя ясно было только то, что онъ считалъ негѣлымъ подписываніе намѣстникомъ тысячи ничтожныхъ бумагъ, которыхъ онъ не читаетъ и не долженъ читать, именно по ихъ ничтожности, и утверждалъ, что намѣстникъ, какъ и всякое государственное лицо, поставленное во главѣ какого-нибудь управленія, долженъ заниматься только высшими дѣлами и вопросами, его достойными.

Затѣмъ тысячи варіацій на эту основную тему и припомнить, и передать невозможно, сколько по общности и неопредѣленности этихъ разсужденій, столько же и потому, что умъ мой поглощенъ былъ массами текущихъ дѣлъ; я выслушивалъ ихъ точно такъ же, какъ множество разныхъ другихъ разсужденій, нисколько не ожидая, что именно на меня падетъ осуществленіе ихъ, тѣмъ болѣе, что для разныхъ законодательныхъ работъ существовало «министерство прогресса» или «временное отдѣленіе» тожъ. Между тѣмъ, однажды, снова обратившись къ этой темѣ, князь оказалъ: «я не знаю, можно-ли такъ сдѣлать, но я желалъ бы должность нынѣшняго директора раздѣлить на двѣ, то-есть имѣть двухъ директоровъ: одинъ завѣдывалъ бы текущими дѣлами, подписывалъ всѣ бумаги, всторыя вы теперь мнѣ носите и которыхъ я не читаю, и докладывалъ бы мнѣ только самыя важнѣйшія дѣла; а другой постоянно работалъ бы со мною лично и помогалъ мнѣ исполнять различныя мысли, о которыхъ мы съ вами такъ давно и такъ много толкуемъ. Текущую канцелярію мы отдали бы, а въ другой вы были бы, по-прежнему, моимъ сотрудникомъ. Еще я желалъ бы, если это можно, чтобы мнѣ лично дали управлять самому сельскимъ хозяй-

ствомъ: я такъ люблю сады, цвѣты»... Прежде, въ подобныхъ случаяхъ, я почтительно, какъ всегда, слушалъ князя и, грѣшный человѣкъ, поддакивалъ, можетъ быть, тогда какъ, съ одной стороны, по общему знакомству моему съ основаніями государственной администраціи, а съ другой по специальному знакомству съ кавказскою администраціею, находилъ, что мысль князя, значительно поэтическая, не вполне разрѣшаетъ вопросъ... «Но пусть обдѣлываетъ ее, какъ знаетъ, тотъ, кому поручено будетъ ея осуществленіе»—думалъ я—«у меня, особенно теперь, много другаго дѣла».

Но въ тотъ моментъ, о которомъ говорю, такое успокоительное соображеніе было совершенно опрокинуто словами князя: «Любезный Василій Антоновичъ, потрудитесь мнѣ это обдѣлать»... Я, окошко помню, значительно смутился при этой совершенно-неожиданной атакѣ. Вѣроятно, замѣтивъ это смущеніе, князь продолжалъ: «я знаю, что вы ужасно заняты; но что же мнѣ дѣлать?» Конечно, ничего не оставалось, какъ отвѣчать, что это порученіе я принимаю за великую честь и постараюсь быть ея достойнымъ. Въ связи съ этимъ я довольно рѣшительно сказалъ князю: «ваше сіятельство! Я буду руководствоваться вашими идеями; но позвольте мнѣ придумать порядокъ ихъ осуществленія. Опытность моя по настоящей моей должности и знакомство мое съ общимъ порядкомъ администраціи значительно мнѣ въ этомъ помогутъ. Однимъ словомъ, я прошу позволенія составить и представить вамъ подробный планъ преобразования высшаго гражданского управленія на Кавказѣ. Однѣ части этого плана, которыя удостоятся вашего одобренія, останутся, другія будутъ измѣнены и замѣнены согласно вашимъ дополнительнымъ указаніямъ. Во всякомъ случаѣ лично для вашего сіятельства будетъ удобнѣе и легче работать надъ этимъ вопросомъ, имѣя уже какую нибудь основную точку». Выслушавъ мое объясненіе, князь сказалъ: «прекрасно!»

Канцелярія намѣстника соединяла въ себѣ рѣшительно всѣ части, входящія въ составъ гражданского управленія: инспекторскую, судебную, финансовую, духовную, медицинскую и т. п. Понятно, что по самой ограниченности средствъ одной канцеляріи, а еще болѣе, по физической невозможности одному директору, какъ-бы онъ гениаленъ и дѣятеленъ ни былъ, углубляться во всѣ эти части—они пребывали значительно въ сонномъ состояніи и плелись кое-какъ по благоусмотрѣнію столоначальниковъ и начальниковъ отдѣленій, также заваленныхъ дѣлами сверхъ мѣры. Понятно также, что такой порядокъ дѣлъ не можетъ приносить большой пользы и что для того, чтобы всѣ части гражданского управленія могли получить оживленіе и развитіе, надобно подчинить ихъ болѣе энергичному руководству и контролю. Отсюда явилась мысль объ учрежденіи специальныхъ департаментовъ, изъ ко-

торыхъ каждый, получивъ въ свое завѣдываніе часть, ему принадлежащую, напр. судебную, финансовую и пр., долженъ стремиться довести ее до совершенства.

Мысль эта представилась мнѣ тотчасъ, какъ только вступилъ я въ управленіе канцеляріею. Раздѣленіе канцеляріи на департаменты я находилъ самымъ нужнымъ и вѣрнымъ дѣломъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы я былъ большой честолюбецъ, то волѣдствіе тѣхъ взглядовъ князя, которые я только-что привелъ, я долженъ бы тотчасъ ее бросить и ухватиться за идею, высказанную княземъ. Мысль объ учрежденіи департаментовъ могла сулить мнѣ положеніе, равное многимъ другимъ; мысль князя ставила меня выше всѣхъ, ибо отдавала въ мои руки самыя капитальныя дѣла и, что главное, сохраняла мнѣ прямыя и непосредственныя отношенія съ самимъ княземъ. Но, если я былъ хорошимъ работникомъ, то никогда не былъ хорошимъ, относительно себя, политикомъ.

Оставалось идею о департаментахъ согласить съ тою идеею князя, что до него должны восходить только наиважнѣйшія дѣла. Ясно, что поставить эти департаменты въ непосредственныя съ нимъ отношенія было не возможно. Если онъ отягощался и скучалъ докладомъ одного директора канцеляріи, очевидно, что доклады многихъ директоровъ поставятъ его въ положеніе, несравненно худшее противу прежняго. Поэтому надобно было поставить между нимъ и департаментами лицо посредствующее, которое, разрѣшая неважныя дѣла собственно властью, представляло бы намѣстнику только тѣ дѣла, которыя отличаются особенною важностью и требуютъ, непременно, личного его разрѣшенія. Для созданія положенія такого лица существовали уже нѣкоторыя указанія въ положеніи начальника главнаго штаба въ только-что преобразованной кавказской арміи, а частію въ положеніи прежняго начальника гражданскаго управленія на Кавказѣ. Я говорилъ уже, что послѣднимъ начальникомъ гражданскаго управленія былъ знаменитый князь Бебутовъ. Еще при жизни его, князь Александръ Ивановичъ отнялъ у него нѣкоторыя права, присвоенныя этой должности по закону, и сосредоточилъ все гражданское управленіе исключительно въ своей канцеляріи, оставивъ Бебутову одно предсѣдательство въ Совѣтѣ намѣстника; съ кончиною же сего мужа мѣсто его уже никѣмъ не замѣщалось и, слѣдовательно, беззащитно могло быть подвергнуто всевозможнымъ преобразованіямъ. Существенное преобразование, которому оно должно было преимущественно подвергнуться, состояло въ томъ, чтобы создать не начальника гражданскаго управленія, а начальника главнаго управленія намѣстника, или высшаго начальника департаментовъ; чтобы, не имѣя никакихъ отдѣльныхъ и самостоятельныхъ правъ, какъ лицо, отдѣльно стоящее, онъ имѣлъ только права, такъ сказать, канцеляр-

скія, представляя собою вышшаго и главнаго сотрудника намѣстника, дѣйствуя только по его видамъ и указаніямъ и нисколько не отдѣляясь отъ него.

Для того же, чтобы намѣстникъ имѣлъ возможность, независимо отъ текущаго управленія, лично заниматься разработкою разныхъ, какъ говорится, органическихъ вопросовъ, предполагалось учредить при немъ особенную канцелярію, которая, не сливаясь съ общимъ главнымъ управленіемъ, образуемымъ департаментами и начальникомъ главнаго управленія, работала бы подъ личнымъ руководствомъ самого намѣстника и занималась только тѣми работами, какія намѣстникъ ей поручить.

Во всей этой системѣ важное значеніе имѣлъ денежный вопросъ. Надобно было, какъ говорится, свести концы съ концами. Я хорошо зналъ, что многіе проекты самаго перваго сорта умирали, именно, потому, что не было денегъ на ихъ осуществленіе. Точно также я отлично зналъ, что какъ ни былъ мудръ мой проектъ, но если я не найду соотвѣтственныхъ источниковъ, то и онъ будетъ сдать въ архивъ. Поэтому, изыскивая подобные источники, я долженъ былъ остановиться на существовавшихъ тамъ до того времени округахъ: таможенномъ, учебномъ и почтовомъ. Таможеннымъ завѣдывалъ, какъ я выше говорилъ, достопочтенный Дю—си; учебнымъ—баронъ Николаи, а почтовымъ—сначала Коцебу, а потомъ—полковникъ Кокановъ. Эти окружныя управленія представляли чисто передаточную инстанцію и не приносили почти никакой существенной пользы; они только тормозили дѣлопроизводство... Какая-нибудь учлищная дирекція или почтовая контора пишетъ, напримѣръ, управляющему округомъ, что полагаетъ наградить такого-то или сдѣлать то-то. Управляющій округомъ переписываетъ это представленіе и, присовокупляя, что «онъ вполне раздѣляетъ изложенное мнѣніе», отсылаетъ свою бумагу въ канцелярію намѣстника. Разрѣшеніе намѣстника отправляется на имя управляющаго округомъ, который снова переписываетъ полученную бумагу и, добавляя ее словами: «о такомъ разрѣшеніи даю знать», посылаетъ свою бумагу по принадлежности. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельность этихъ господъ могла бы и должна производить нѣчто, болѣе существенное; но никакихъ существенныхъ плодовъ отъ нея не оказывалось, и потому я находилъ не только возможнымъ, но и весьма полезнымъ изъять изъ системы высшей администраціи эти ненужныя инстанціи, обязанности ихъ возложить на департаменты, а деньги, какія поглощаются ими, обратить въ число суммъ, необходимыхъ на образованіе новаго управленія.

Всю эту систему я развилъ и, объяснивъ подробно въ особомъ обширномъ докладѣ, къ которому приложилъ самый проектъ учрежденія глав-

наго управленія и штата, къ нему принадлежащаго. По проекту этому предназначалось образовать слѣдующіе департаменты:

- 1) Судебный.
- 2) Финансовый.
- 3) Государственныхъ имуществъ, въ который обращалась существовавшая дотолѣ экспедиція государственныхъ имуществъ.
- 4) Общихъ дѣлъ, куда относились части: инспекторская, хозяйственная, полицейская, духовная, медицинская, почтовая и всѣ тѣ, которыя не подчинялись другимъ специальнымъ департаментамъ.
- 5) Управление сельскаго хозяйства, которое, по общей системѣ, удобно могло бы быть слито съ департаментомъ государственныхъ имуществъ, но по личному желанію князя сохраняло отдѣльное свое существованіе.

Всѣ эти департаменты относились къ начальнику главнаго управленія, облеченному известными правами, уподобленными частію правамъ товарищей министровъ. Начальникъ главнаго управленія относился, въ свою очередь, къ намѣстнику, дѣйствовалъ по его видамъ и указаніямъ, и получалъ отъ него разрѣшенія.

Кромѣ этихъ департаментовъ, собственно при намѣстникѣ, и внѣ вліянія начальника главнаго управленія, учреждалась особая канцелярія, собственно для производства тѣхъ работъ, какія самимъ намѣстникомъ будутъ возлагаемы.

Дипломатическая канцелярія намѣстника сохраняла прежнее свое устройство.

Точно также и Совѣту намѣстника сохранено прежнее существованіе. Существованіе это и прежде казалось мнѣ бесполезнымъ; при учрежденіи специальныхъ департаментовъ бесплодность эта становилась еще бесплоднѣе, тѣмъ болѣе, что по моему проекту директоры, для вопросовъ общихъ, требующихъ единства направленія, должны были составлять свои совѣщанія подъ предсѣдательствомъ начальника главнаго управленія. За всѣмъ тѣмъ я никакъ не могъ наложить руки на существованіе этого Совѣта, зная любовь и стремленіе князя къ пышной обстановкѣ. Хотя князь рѣшительно отнялъ у Совѣта, какъ и у прежняго начальника гражданскаго управленія, всякое значеніе и никогда почти не читалъ его журналовъ, которые докладывались князю черезъ директора канцеляріи и обыкновенно занимали въ его докладахъ едва-ли не послѣднее мѣсто, тѣмъ не менѣе ко внѣшней, такъ сказать, сторонѣ этого учрежденія князь относился довольно почтительно, выдвигая свой Совѣтъ всегда впередъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Ему, очевидно, нравилось присутствіе въ этихъ случаяхъ значительнаго числа сѣдыхъ и лысыхъ головъ, образующихъ его Совѣтъ. Съ другой стороны, ему было важно, какъ и всякому другому большому начальнику, имѣть

учрежденіе, въ которое онъ могъ частію сваливать людей заслуженныхъ, но уже устарѣвшихъ и испарившихся, а частію сажать нѣкоторыхъ господъ, для которыхъ не было другихъ мѣстъ, или которые не могли бы занимать никакихъ другихъ мѣстъ, какъ, напримѣръ, Вар—ей и другіе.

Здѣсь къ слову сказать, что нѣсколько позже, послѣ преобразованія главнаго управленія, князя чрезвычайно увлекала мысль объ обращеніи этого Совѣта въ Сенатъ, на подобіе Варшавскаго Сената, и только мое самое энергическое и, можно сказать, отчаянное противодѣйствіе воспрепятствовало осуществленію этой странной идеи. Передалъ-ли кто-нибудь эту идею князю или самъ онъ взялъ ее изъ сравненія Кавказскаго намѣстничества съ Варшавскимъ намѣстничествомъ, которому онъ ни въ чемъ не хотѣлъ уступать, я не знаю, только онъ постоянно къ ней обращался съ обычнымъ его упорствомъ. Не знаю, какъ эта идея была бы принята въ Петербургѣ, но мнѣ она казалась способною скомпрометтировать сильно князя. Я не могъ представить себѣ, чтобы князь сталъ писать рапорты и представленія въ свой Сенатъ, члены котораго, почтительно являясь въ его пріемную, старались бы всѣми средствами угадывать его малѣйшую волю и этою угодливостью приобретать право на милость намѣстника. Созидать такое положеніе, по моимъ убѣжденіямъ, значило бы профанировать власть правительства, и эти убѣжденія я рѣшительно высказывалъ князю. Онъ, повидимому, соглашался съ моими доводами, а чрезъ нѣкоторое время снова обращался къ той же идеѣ, и я никакъ не позволю себѣ утверждать, чтобы, въ силу моихъ возраженій, князь не осуществилъ этой идеи, если бы оставался долѣе на Кавказѣ.

Обращаясь къ преобразованію главнаго управленія, повторяю, что какъ ни мало имѣлъ я уваженія къ дѣятельности Совѣта, тѣмъ не менѣе я не могъ коснуться вопроса о его существованіи. Искренній, и потому болтливый, я, на первыхъ же порахъ, опредѣлилъ значеніе Совѣта фразой, которая, съ одной стороны, вызвала аплодисменты, а съ другой—породила среди Совѣта моихъ неблагопріятелей, отъ которыхъ и предъявлялись князю ожесточенные протесты противъ назначенія меня къ исправленію должности директора. Я назвалъ Совѣтъ: «большимъ капиталомъ, не приносящимъ никакихъ процентовъ», и отзывъ этотъ быстро разошелся по всѣмъ кружкамъ Тифлиса, что и свидѣтельствовало о его мѣткости. Ясно, что если бы я предложилъ уничтоженіе Совѣта, то со всѣхъ сторонъ поднялись бы такіе вопли, которые были бы неприятны князю, не говоря уже о томъ, что онъ и самъ, по своимъ видамъ, какъ я выше объяснилъ, не утвердилъ бы этой мѣры. Поэтому существованіе Совѣта въ моемъ проектѣ сохранялось; но значеніе его совершенно уже измѣнилось. Проектъ не говорилъ, какъ было опредѣлено прежними законами, какія, именно, дѣла должны непременно

вноситься въ Совѣтъ, онъ опредѣлялъ только, что Совѣтъ разсматриваетъ всѣ дѣла, какія намѣстникъ ему поручить.

Въ докладѣ своемъ я говорилъ, что для ближайшаго и подробнаго разсмотрѣнія проекта, во всѣхъ его частяхъ, необходимо образовать особый комитетъ изъ тѣхъ лицъ, которыхъ князь признаетъ достойными призвать въ должности директоровъ департаментовъ, и которые ближе и вѣрнѣе могутъ опредѣлить кругъ дѣйствій каждаго департамента и средства для успѣшнаго исполненія обязанностей, на департаментъ возлагаемыхъ. Предсѣдательство въ этомъ комитетѣ должно быть предоставлено тому лицу, которое будетъ предназначено къ должности начальника главнаго управленія.

Когда я представилъ мой трудъ князю, онъ усердно и внимательно погрузился въ него и, ознакомившись съ нимъ, былъ удовлетворенъ. Онъ призналъ въ немъ сходство съ устройствомъ министерствъ въ западныхъ государствахъ. Въ начальникѣ главнаго управленія онъ видѣлъ перваго министра и на этомъ основаніи находилъ возможнымъ и даже нужнымъ, чтобы онъ самъ управлялъ однимъ изъ министерствъ, т. е. нашихъ департаментовъ, директоровъ департаментовъ онъ уподоблялъ второстепеннымъ министрамъ. Предположенныя совѣщанія директоровъ, подъ предсѣдательствомъ начальника главнаго управленія, онъ находилъ сходными съ засѣданіями европейскихъ министерствъ. Однимъ словомъ, предложенная мною система вполне удовлетворила князя. Если я находилъ ее необходимою и полезною собственно въ дѣловомъ отношеніи, то съ вѣроятностью можно предполагать, что въ глазахъ князя, независимо отъ этого достоинства, она имѣла много привлекательнаго въ томъ отношеніи, что яснѣе опредѣляла ту высоту, которая принадлежала намѣстнику, которая не допускала непосредственныхъ его сношеній съ различными департаментами, уравненными во всемъ съ министерскими департаментами, и которая, наконецъ, для посредства въ этихъ отношеніяхъ, требовала созданія особой должности, подобно должности министра, присвоенной начальнику главнаго управленія.

Всегда быстрый въ осуществленіи своихъ желаній и рѣшеній, князь совершенно предался этому дѣлу и старался круто повернуть имъ. Первымъ шагомъ къ осуществленію его предначертаній онъ считалъ, и весьма справедливо, назначеніе начальника главнаго управленія, который, по соображеніямъ князя, долженъ составить основную точку, откуда должны развиваться всѣ дальнѣйшія дѣйствія по преобразованію главнаго управленія. При такомъ-то именно взглядѣ онъ спросилъ меня однажды, совершенно неожиданно: «кого бы назначить начальникомъ главнаго управленія?» Излагая біографію Дю—си, я объяснилъ уже часть этой замѣчательной сцены; здѣсь остается только

дополнить ее. Когда, подъ вліяніемъ петербургскихъ слуховъ о большомъ значеніи Дю—си, я назвалъ этого господина, князь какъ-то нетерпѣливо выразилъ рѣшительный протестъ. Значительно сконфуженный такимъ неудачнымъ указаніемъ, я старался объяснить князю, что указаніе это я сдѣлалъ подъ вліяніемъ различныхъ слуховъ и предположеній, доходившихъ до меня еще въ Петербургѣ; что, упоминая о Дю—си, я думалъ угадать только мысль князя; что я лично съ нимъ не имѣю никакихъ отношеній и вовсе его не знаю; знаю только то, что ко мнѣ собственно онъ относится непріязненно; слѣдовательно, въ моемъ указаніи не можетъ быть никакой затаенной цѣли, никакихъ пристрастныхъ видовъ и т. п. «Знаю, знаю все это; лучше васъ самихъ знаю», сказалъ князь, «а я полагалъ бы назначить Кр—на! Какъ вы думаете?»

Кр—на я успѣлъ уже узнать, какъ отличнаго человѣка, какимъ и всѣ его знали; но всѣ знали также, что онъ очень слабовать, какъ дѣловой человѣкъ; кромѣ того, по чинамъ и по службѣ, онъ былъ моложе многихъ другихъ лицъ гражданскаго управленія. Сообразивъ все это мгновенно, я отвѣчалъ: «Алексѣй Федоровичъ превосходный человѣкъ; но, кажется, въ немъ гениальности мало». «Зачѣмъ намъ его гениальность?»—живо возразилъ князь, «у насъ своей довольно, а человѣкъ онъ дѣйствительно превосходный; я привыкъ къ нему, а онъ ко мнѣ; всѣ его любятъ; ни интриговать, ни умничать онъ не будетъ». Ясно было, что мнѣ тутъ думать много было нечего и что стремиться измѣнить предрѣшеніе князя, если бы и были у меня на то какіе-либо серьезные поводы, было бы съ моей стороны и глупо, и бесполезно. Какъ бы то ни было, князь окончательно остановился на выборѣ Кр—на въ начальники будущаго главнаго управленія.

Чрезвычайно нетерпѣливый въ своихъ предположеніяхъ, князь не сталъ ожидать подробнаго развитія общаго плана преобразованія управленія и рѣшилъ тотчасъ представить главные черты этого плана государю въ частномъ письмѣ и просить, прежде всего, утвержденія Кр—на въ предназначенномъ званіи и тѣмъ, какъ выражался князь, положить первый основной камень новаго зданія. Эта поспѣшность оправдывалась еще слѣдующими соображеніями. Князь справедливо находилъ, что Кр—нъ, какъ главное дѣйствующее лицо въ новомъ управленіи, долженъ неизбѣжно принять участіе въ установленіи основаній, для него предназначаемыхъ. Съ другой стороны, зная робость Кр—на и недовѣріе его къ собственнымъ силамъ, князь также справедливо находилъ, что Кр—нъ совершенно унычужится предъ важностью будущаго положенія начальника главнаго управленія и обширностью обязанностей, ему предстоящихъ, и князю будетъ чрезвычайно трудно, а можетъ быть и невозможно, уломать этого милаго и скромнаго чело-

вѣка принять это званіе, тѣмъ болѣе, что онъ былъ, какъ я говорилъ уже, моложе многихъ, которыми предстояло ему командовать. Поэтому князь и рѣшился все, что въ новомъ планѣ касалось лично Кр—на, покончить безъ него, а для того, чтобы дать ему преимущество предъ всѣми лицами будущаго управленія, исходатайствовать ему званіе статсъ-секретаря. Въ этомъ именно видѣ и отправлено было письмо государю.

Его величество согласился на все. Кр—нъ рѣшительно ничего не зналъ и ничего не предугадывалъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ я упомянулъ только, чтобы онъ скорѣе возвращался на Кавказъ, гдѣ приготовлено для него вѣчто хорошее. Въ своихъ письмахъ ко мнѣ онъ просилъ меня разъяснить ему таинственность; но я не имѣлъ на это никакого права потому, что князь желалъ хранить все это въ сильнѣйшемъ секретѣ. Такимъ образомъ онъ рѣшительно ничего не зналъ, и на этотъ мотивъ князь, съ обычною прелестью и необычайнымъ талантомъ, разыгрывалъ великолѣпныя варіаціи. Сущность ихъ заключалась въ томъ, что князь представлялъ, какъ Кр—нъ, возвращаясь на Кавказъ чрезъ Петербургъ, явится къ государю, какъ государь поздравитъ его статсъ-секретаремъ и начальникомъ главнаго управленія, какъ Кр—нъ оцѣпенѣетъ отъ этого поздравленія.

Если эти предположенія мы считали нужнымъ скрывать отъ Кр—на, то въ той же таинственности мы держали ихъ и отъ другихъ. Существо плана, впрочемъ, не было возможности сохранить въ тайнѣ. Знали, что по этому плану главнымъ дѣйствующимъ лицомъ будетъ начальникъ главнаго управленія; но кто будетъ начальникомъ главнаго управленія, рѣшительно никому не было извѣстно. Предположеній было, конечно, множество; указывали то на того, то на другаго и менѣе всего на Кр—на. Самъ князь сознавалъ, что объявленіе этого назначенія произведетъ страшную суматоху и поразитъ Тифлисъ.

Однимъ словомъ князь какъ будто опасался даже впечатлѣнія, какое въ гражданскомъ мірѣ должно было произвести назначеніе Кр—на, и потому долго удерживалъ его въ тайнѣ; но, съ другой стороны, онъ боялся также чрезвычайной слабости характера его и не безъ основанія предполагалъ, что это впечатлѣніе, если оно проявится уже въ то время, когда Кр—нъ уже возвратится, можетъ окончательно обить его съ толку и заставить снова отбиваться отъ должности начальника главнаго управленія. Князь сдѣлалъ назначеніе Кр—на извѣстнымъ въ Тифлисъ незадолго до его пріѣзда съ тою цѣлью, чтобы весь шумъ, всѣ сплетни, всѣ протесты, какіе должно было вызвать это извѣстіе, могли вспыхнуть, развиться и потомъ, по естественнымъ законамъ, стихнуть и улечься въ его отсутствіе.

Такъ это и было сдѣлано. Князь сказалъ, подъ видомъ секрета,

объ этомъ назначеніи двумъ, тремъ лицамъ высшихъ чиновъ, и этого, конечно, было достаточно, чтобы оно мгновенно сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ и взволновало весь Тифлисъ. Странное дѣло! Кр—нъ пользовался большою популярностью; большинство его любило, какъ добраго человѣка; но и у сего нездобиваго господина было значительное число ожесточенныхъ враговъ, порожденныхъ преимущественно его служебными успѣхами, которыхъ онъ не только не искалъ, но отъ которыхъ постоянно отбивался. Такъ же точно, какъ онъ былъ совершенно чуждъ соединенныхъ усилій князя и Буткова, выдвинувшихъ его, совершенно невѣдомо для него, на должность директора канцеляріи—онъ и въ настоящемъ случаѣ былъ рѣшительно чуждъ задуманнаго княземъ механизма, которымъ онъ поднималъ его, также не вѣдомо для него, на должность начальника главнаго управленія. Все это, однако же, не мѣшало образоваться значительной группѣ его недоброжелателей, которые и старались всѣми силами уничтожить его, опираясь въ своихъ нападкахъ преимущественно на его малую способность, какъ государственнаго человѣка, свойство котораго, какъ я выше замѣтилъ, онъ и самъ не отрицалъ.

Къ удивленію, ожесточеннѣйшимъ его врагомъ явился князь Георгій Мухранскій, который никакъ не могъ перенести предстоявшей ему обязанности, въ качествѣ директора судебного департамента, подчиниться Кр—ну. Оппозиція его была такъ сильна, что онъ рискнулъ даже написать пространное письмо князю, которое самъ Мухранскій потомъ показывалъ мнѣ. Въ письмѣ этомъ, изложивъ исторію своихъ отношеній къ Кр—ну, сравнительное ихъ значеніе въ прошедшемъ, какія-то несправедливости, сдѣланныя ему Кр—номъ въ качествѣ директора канцеляріи, по части наградъ—онъ просилъ князя освободить его отъ унижительнаго для него подчиненія. Князь Александръ Ивановичъ, потомъ, упоминая объ этомъ письмѣ, которое произвело на него въ высшей степени дурное впечатлѣніе, говорилъ, что онъ пригласилъ князя Мухранскаго забыть даже совершенно о существованіи того письма, если желаетъ сохранить добрыя къ нему, т. е. на-мѣстнику, отношенія.

Между тѣмъ наступила половина 1858 года. Князь съ огромнымъ штабомъ перѣхалъ уже въ Боржомъ. Должность директора походной канцеляріи исполнялъ при немъ Булатовъ. Сближалось время возвращенія Кр—на.

Въ постоянномъ опасеніи за слабость характера его, князь не желалъ даже, чтобы онъ заѣзжалъ въ Тифлисъ и поддавался вліянію различныхъ толковъ о преобразованіи главнаго управленія вообще и о его назначеніи въ особенности, и съ этою цѣлью предоставилъ мнѣ распорядиться, такимъ образомъ, чтобы Кр—нъ, не заѣзжая въ Тиф-